

Слуги, к моему негодованию, ничего не знали. Я, раздражённая, торопила их искать повсюду, но они лишь медлили, а карета уже трогалась с места. В конце концов я решительно спрыгнула, выхватила лошадь у ближайшего солдата и поскакала к концу процессии.

Позади многие бросились за мной, но я, боясь нарушить порядок и потревожить родителей, криком остановила их. Сказала, что хочу просто прокатиться, и в сопровождении пары гвардейцев Цяньню поехала шагом вдоль колонны — так удалось усмирить суматоху.

Отец на этот раз решил обойтись малым числом слуг, но процессия всё равно растянулась на несколько ли. Одних только повозок из внутренних покоев было около сотни. Я внимательно осматривала каждую, но нигде не видела Вэй Хуань. Дальше шли экипажи родственников. Увлёкшись поисками, я и не заметила, как ко мне подъехал У Миньчжи. Он был по-прежнему одет в костюм ху, сидел на вороном коне и, приблизившись вплотную, с улыбкой произнёс:

— Сыцзы.

Его обращение вызвало у меня отвращение. Не раздумывая, я ударила его хлыстом, но он ловко поймал его. Я тут же отпустила рукоять, и он сделал то же самое. Мой хлыст упал на землю. Один из телохранителей спешил, чтобы поднять его, но У Миньчжи лишь усмехнулся, взмахнул рукой — и его собственный хлыст со свистом опустился на спину воина. Тот только что поднятый хлыст снова выпал у него из рук. Ярость вспыхнула у меня в груди, и я выхватила короткий меч, чтобы ударить наглеца, но тут кто-то крикнул: «Госпожа!» Перед глазами мелькнула тень, моя лошадь взвилась на дыбы и понеслась прямо на повозку. Я изо всех сил натянула поводья, едва успев проскочить в узкий промежуток между двумя экипажами. Взбесившийся конь мчался вперёд, не разбирая дороги. Ладони у меня вспотели, я вцепилась в конскую гриву, боясь, что вот-вот полечу наземь. Но это была армейская лошадь — сильная, резвая и своенравная, не то что смиренные дворцовые кони. Она извивалась, пытаясь сбросить меня, и на полном скаку норовила задеть ветви деревьев. Меня несколько раз прижало к стволу, ноги горели от боли, колени, казалось, были повреждены. Руки уже почти не держались за гриву.

Сзади за мной гнались, но я не решалась оглянуться, лишь прижалась лицом к шее лошади, пытаясь краем глаза разглядеть погоню. Ближе всех оказался У Миньчжи — негодяй до сих пор ухмылялся! За ним следовали несколько всадников, и среди воинских доспехов особенно выделялось женское платье Вэй Хуань.

Увидев её, я почувствовала странное облегчение и, едва слышно, позвала:

— А-Хуань...

Звук был так тих, что я не надеялась, будто она услышит. Но она подняла голову, улыбнулась мне и, пришпорив коня, обогнала всех, включая У Миньчжи. Поравнявшись со мной на расстояние полукорпуса, она крикнула:

— Принцесса, сожмите бёдра и потяните поводья налево!

Впереди было достаточно места. Я приподнялась и изо всех сил дёрнула поводья. Лошадь взвилась на дыбы, неохотно повернула голову, но тут же рванула в другую сторону, продолжая нестись.

Я беспомощно взглянула на Вэй Хуань. Та, взмокнув от напряжения, забыв о приличиях, рывкнула:

— Натяните поводья крепче, заставьте её кружиться!

Только тогда я поняла её замысел. Собрав волю в кулак, я намотала поводья на запястье и резко дёрнула. Лошадь, повинувшись, завертелась на месте. Вэй Хуань остановилась рядом и, тяжело дыша, сказала:

— Она просто упрямится. Покрутите её немного, и она успокоится.

Её уверенность придала мне сил. Я стиснула зубы и продолжила борьбу. Конь, уже уставший от бега, после нескольких десятков кругов действительно начал сдаваться и в конце концов остановился, спокойно принявшись жевать траву.

Холодный ветер заставил меня чихнуть. Гвардейцы уже подошли, чтобы помочь мне слезть. Едва коснувшись земли, я вырвала. Вэй Хуань, смешавшись с толпой, помогающей мне прийти в себя, незаметно ткнула меня и шепнула:

— Притворись, что потеряла сознание.

Это было просто. В моём состоянии достаточно было слегка наклониться вперёд — и перед глазами всё потемнело. Перед самым обмороком я увидела, как матушка, в парадном платье с двенадцатью украшениями, спешит ко мне на коне. За ней, на другой лошади, ехала Шангуань Ваньэр. Но, несмотря на её будущую славу великой женщины и литератора, она держалась в седле так неуверенно, словно вот-вот упадёт.

Мне шёл тридцать первый год, но в обморок я падала впервые. По моим скудным представлениям, хрупкие девушки, подобные мне, после такого лежат неделями, если не месяцами, не говоря уж о возможной потере памяти или помешательстве. Падая, я уже готовилась очнуться в совершенно ином мире. Однако бессознательность длилась всего несколько мгновений. Едва придя в себя, я услышала вокруг шум голосов. Меня охватила мысль: не перенеслась ли я снова? Попыталась открыть глаза — и почувствовала, как кто-то сильно ущипнул меня за бедро. Поняв, что это, скорее всего, Вэй Хуань, я крепко зажмурилась. На меня накладывали множество рук, каждая из которых пыталась проявить заботу, но лишь вызывала дискомфорт.

Меня поднимали и несли, но все тянули в разные стороны — то вверх, то вниз, то снова щипали. Было так неприятно, что я едва сдерживалась, чтобы не закричать. К счастью, они пронесли меня всего несколько шагов и остановились. Шум стих, большинство людей отошли. Лишь один человек поднял меня и понёс. Затем я услышала слегка запыхавшийся голос Ваньэр:

— Ваше Величество, может, лучше вызвать паланкин?

Матушка лишь хмыкнула. Я не поняла её ответа, но Ваньэр уже скомандовала:

— Помогите принцессе сесть в паланкин!

Под её руководством окружающие наконец поняли, как следует ухаживать за больной. Кто-то осторожно поднял меня и усадил в паланкин, кто-то укрыл, кто-то положил в руки тёплую грелку, а кто-то вытер пот и положил у шеи кусочек успокаивающего благовония.

Всё это время почти никто не говорил, и матушка тоже молчала, но я знала — она наблюдает за мной. Я ожидала, что она начнёт допрашивать моих слуг, и, боясь, что это затронет Вэй Хуань, напряжённо прислушивалась к происходящему. Однако матушка так ничего и не

сказала.

Хотя мы были в поле, и вокруг толпилось множество людей, царила гробовая тишина.

Меня быстро и аккуратно доставили обратно — не в мою карету, а в повозку с фазанами, принадлежащую матушке. Сама она вернулась гораздо позже. Я уже начала дремать, но, услышав, как она поднимается в повозку, насторожилась и стала следить за её действиями. Матушка впопыхах села на коня в парадном платье и только теперь вспомнила снять украшения и переодеться во что-нибудь полегче.

Повозки в те времена были невелики. Я лежала и чувствовала, как ткань несколько раз касается меня — то ли платье матушки, то ли подол Ванъэр. Хотела отодвинуться, но боялась, что матушка заметит, и лишь слегка сдвинулась, подождала, затем сдвинулась ещё. Собираясь сделать это в третий раз, услышала голос матушки:

— Если лежать надоело, вставай.

Я поспешно открыла глаза и увидела перед собой водянисто-зелёный цвет. Моргнув несколько раз, поняла, что моя голова лежит на коленях Ванъэр — это её платье я и вижу. Подняться было трудно. Опираясь на локти, я медленно приподнялась. Матушка сидела с распущенными волосами, скрестив ноги, и, обернувшись, бросила взгляд на Ванъэр. Та, уже отложив платье, помогла мне сесть и тихо вышла, закрыв дверь.

Мне было неловко. Я неуверенно улыбнулась и сказала:

— Матушка устала? Сыцзы помассирует вам ноги.

Матушка посмотрела на меня с полуулыбкой, приподняла подбородок и сказала:

— Покажи руки.

Увидев, что она не сердится, я осторожно положила обе руки ей на ладони. От сильного сжатия поводьев на них остались багровые следы, а на левой ладони были ссадины. Матушка левой рукой сжала мои руки, а правой провела по ладони и, улыбнувшись, произнесла:

— Теперь ты хоть немного похожа на наездницу.

Я пожаловалась:

— Я чуть не упала.

Матушка посмотрела на меня с укором:

— Раньше я тебя учила ездить верхом, но ты не хотела. А теперь обычная испуганная лошадь тебя так напугала, что ты ещё и жалуешься!

Вспомнив, как матушка, не успев переодеться, поспешила ко мне, я высунула язык и сказала:

— Я поняла свою ошибку. Впредь буду серьёзно учиться верховой езде и стрельбе из лука, без лени.